

Владимир Малянкин

Мергүү Sevonn

Мертвый сезон - 2

18+

Владимир Малянкин

Мертвый сезон - 2

«Автор»

2026

Малянкин В. Ю.

Мертвый сезон - 2 / В. Ю. Малянкин — «Автор», 2026

ОНИ ОТКРЫЛИ ДВЕРЬ. ТЕПЕРЬ ОНА НЕ ЗАКРОЕТСЯ. Плато Путорана. Мёртвая земля. Вечная мерзлота. Четыре месяца назад из глубин поднялся вирус. Он не убивает — он переписывает. Превращает людей в ледяных тварей, которым не нужна еда, вода и тепло. Белые. Они не гниют. Они не дышат. Они ждут. Бывший шахтёр Илья, вирусолог Анна и проводник-эвенк Егор отправляются в самоубийственный поход через ледяную пустыню. Их цель — секретная лаборатория «Кимберлит-4», где тридцать лет назад учёные нашли то, чего не искали. И заварили дверь изнутри, чтобы оно не вышло. Теперь дверь придётся открыть. Потому что где-то под землёй, в кимберлитовых трубках, спит Хозяин льда. И он проснулся.

© Малянкин В. Ю., 2026

© Автор, 2026

Владимир Малянкин

Мёртвый сезон - 2

«Мёртвый сезон-2» — постапокалиптический хоррор о выживании, искуплении и древнем зле, пробудившемся в сердце Сибири.

Плато Путорана. Заброшенный закрытый город, мёртвые шахты, безмолвная тундра. Четыре месяца назад мир рухнул: вирус, поднявшийся из глубины земли, превратил людей в ледяных тварей — Белых. Они не гниют, не умирают, не чувствуют боли. Они просто ждут.

Бывший шахтёр Илья, вирусолог Анна и эвенк-проводник Егор отправляются в самоубийственный поход через ледяную пустыню. Их цель — заброшенная секретная лаборатория «Кимберлит-4», где, согласно перехваченному сигналу, может храниться ключ к созданию вакцины. Но то, что они находят в лаборатории, оказывается не лекарством, а оружием. И оно всё ещё живо.

Тридцать лет назад учёные «Кимберлита-4» совершили открытие, за которое заплатили жизнями. Они заварили двери изнутри, чтобы не выпустить в мир то, с чем столкнулись. Теперь двери открыты. И Хозяин льда — древняя форма жизни, спавшая в кимберлитовых трубках миллионы лет, — проснулся окончательно.

«Мёртвый сезон» — это история о людях, которые идут до конца. О тех, кто закрывает двери. И о тех, кто находит силы их открыть.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА

Главные герои

Илья Сергеевич Колесников, 45 лет

Проходчик пятого разряда шахты «Маяк». Потерял жену и сына в первые дни эпидемии. Носит каску с трещиной — единственную вещь, оставшуюся от сына. Хронический бронхит, цинга, внутреннее кровотечение. Знает, что умирает, но продолжает идти. Фаталист. Курит. Не верит в бога, но верит в память.

Анна Дмитриевна Корсак, 31 год

Вирусолог-иммунолог. До катастрофы работала в НИИ эпидемиологии в Новосибирске. Потеряла всю семью в первый месяц эпидемии. Страдает нервным тиком — дрожью в руках, которая мешает работать. Цинична, резка, не верит в мистику. Но после событий в шахте «Маяк» её скептицизм даёт трещину.

Егор (фамилия неизвестна), 27 лет

Эвенк, потомственный охотник и проводник. Знает тундру, как никто. Верит в духов, в Нижний мир, в Хозяина льда. В юности водил геологов через священные места — и считает это своим грехом. Немногословен. Слышит ветер. Говорит с мёртвыми.

Персонажи прошлого (1991 год)

Виктор Алексеевич Грановский, 58 лет

Доктор физико-математических наук, начальник лаборатории «Кимберлит-4». Гениальный учёный, разочаровавшийся в системе. Первым понял, с чем они столкнулись. Принял решение о протоколе «Ноль» — самоизоляции объекта. Погиб, приняв морфин вместе с Сомовой.

Елена Викторовна Сомова, 30 лет

Старший лаборант «Кимберлита-4», вирусолог. Именно она обнаружила кристаллическую структуру «Альфы» и выдвинула гипотезу о том, что вирус — часть более крупного организма. Сделала запись на аварийный ретранслятор, которую через тридцать лет услышит Анна. Погибла, держа Грановского за руку.

Майор Харламов

Военврач, представитель заказчика. Жёсткий, циничный, требовал ускорить программу любой ценой. Отказался участвовать в протоколе «Ноль», пытался прорваться наружу. Погиб от заражения, не сумев открыть заваренную дверь.

Второстепенные персонажи

Михаил, 35 лет

Бывший фельдшер скорой помощи, ассистент Анны в лаборатории. Тихий, исполнительный, преданный. Именно он предложил искать антагониста вируса в природной среде. Остался в Талнахе, когда Анна и Егор ушли на восток.

Сергей, 22 года

Бывший студент-геолог, доброволец экспедиции на восток. Молод, горяч, неопытен. Смотрит на Анну с обожанием.

Антагонист

Хозяин льда

Древняя кремний-органическая форма жизни, существующая в кимберлитовых трубках миллионы лет. Не имеет физического тела в привычном смысле — представляет собой распределённую кристаллическую сеть, способную перестраивать живые организмы под свои нужды. Не зол, не добр — просто иной. Его цель — изменить биосферу Земли, сделав её холодной и пригодной для себя. Заперт в шахте «Маяк» взрывом, устроенным Ильёй.

«Земля не принадлежит человеку — человек принадлежит земле. Он не плетёт паутину жизни — он лишь нить в ней. Всё, что он делает с паутиной, он делает с самим собой». — приписывается вождю Сизтлу

ПРОЛОГ

Запись на аварийной частоте 121,5 МГц.

Объект «Кимберлит-4», плато Путорана.

25 декабря 1991 года. 03:47 по местному времени.

— Я, старший лаборант объекта «Кимберлит-4» Сомова Елена Викторовна, настоящим подтверждаю: протокол «Ноль» выполнен в полном объёме. Образцы уничтожены. Гермодверь заварена изнутри. Связь с внешним миром отключена. Реактор переведён в автономный режим. Всем, кто слышит эту запись: не вскрывайте объект. Ни при каких обстоятельствах. То, что находится в кимберлитовой трубке «Аномалия-7», не должно попасть на поверхность. Повторяю: не вскрывайте.

Пауза. Слышно дыхание — неровное, с присвистом.

— Если вы всё же вскрыли объект... значит, у вас были причины. В лабораторном отсеке В-12, в сейфе с кодовым замком «два-семь-ноль-девять», находятся все наши записи. Возможно, они помогут. Меня зовут Елена Сомова. Моя мама живёт в Новосибирске, на улице

Строителей, дом четырнадцать, квартира семьдесят два. Если эта запись каким-то чудом дойдёт до неё... мама, прости меня. Я не смогла приехать на Новый год.

Длинная пауза. Голос становится тише.

— Здесь холодно. Очень холодно. Но это ничего не меняет.

Щелчок. Конец записи.

Часть первая. БЕЛЫЕ

Глава 1. Подарок Нижнего мира

Норильск, заброшенный жилмассив Талнах.

Четвёртый месяц Зимы Мёртвых.

Огонь керосиновой лампы вздрогнул, когда снаружи по металлической обшивке бытовки проскреблились когти.

Илья не пошевелился. Он сидел на перевёрнутом ящике из-под взрывчатки, уперев локти в колени, и смотрел на собственные руки — распухшие суставы, въевшаяся угольная пыль в трещинах кожи, ногти, похожие на старые пуговицы. Руки шахтёра. Они помнили температуру породы за секунду до обвала. Они помнили вес сына.

За стеной скрежет повторился — методичный, почти задумчивый, будто зверь пробовал железо на зуб. В углу бытовки зашевелилась Анна. Спальный мешок зашуршал, явив бледное лицо, заострившееся от голода и хронического недосыпа.

— Кто? — одними губами.

— Белый, — ответил Илья, не меняя позы. — Стоит и слушает. Они нас чуют, но не видят. Пока не слышат.

Анна села, кутаясь в прожжённый пуховик. Её руки, руки хирурга, мелко дрожали — то ли от холода, то ли от того самого нервного тика, который появился после случая в морге опорного пункта. Она старалась сжимать пальцы в кулак, но дрожь выдавала себя предательским стуком ногтей о флягу.

— Дай я его сниму, — сказала она.

— Нечем. Патронов девять. До плато — шестьдесят километров открытого льда. Каждый патрон — как обручальное кольцо. На вес золота.

— Красиво ты заговорил, геолог.

— Я не геолог. Я проходчик пятого разряда.

Снаружи скрежет стих. Наступила тишина — та особая, ватная тишина заполярной ночи, когда звон в ушах начинает казаться чужим шёпотом. Илья знал: Белый не ушёл. Он просто замер. Они всегда замирают перед тем, как ударить.

Часом позже.

Егор сидел на корточках у входа, перебирая верёвочные силки. Эвенк двигался плавно, без единого лишнего жеста, словно вода обтекала камни. Лицо его, обветренное до состояния старой замши, ничего не выражало, но в глубине узких глаз тлело беспокойство.

— Ушёл, — сказал он наконец.

— Точно? — Анна подтянула к себе медицинский рюкзак, проверяя ампулы. В основном пустые. Физиологический раствор, один тюбик промедола, две ампулы адреналина. Ничего противовирусного.

— Точно. Он не просто ушёл. Он пошёл звать других. Этот был разведчик.

Илья поднял голову. Каска с трещиной, что лежала у него на коленях, тускло блеснула в свете лампы. Он машинально провёл большим пальцем по трещине — жест, ставший ритуалом. Трещина была похожа на карту реки Амбарной.

— Ты говорила про сигнал, Анна. Повтори.

Она выдохнула облачко пара — в бытовке было градусов десять, не больше.

— Три дня назад на аварийной частоте прошла передача. Циклическая запись, закольцованная на ретранслятор. Я приняла её случайно, когда настраивала рацию на волну норвежцев с архипелага. Сигнал идёт с плато Путорана, квадрат двадцать семь — сорок один. Подземная лаборатория «Кимберлит-4». Законсервирована в девяносто первом. Судя по коду, там есть автономный реактор и криогенное хранилище. И, возможно...

— Возможно что?

— Возможно, там споры в анабиозе. Тот самый штамм, который не убивает носителя, а выключает его. Если мы добудем образец, я смогу синтезировать сыворотку. Не вакцину — именно сыворотку. Экстренную. Для живых.

В наступившей тишине было слышно, как потрескивает керосин в лампе.

— Сколько у нас времени? — спросил Илья.

— Мало. Очень мало. Период полураспада реагентов в хранилище — максимум полгода. Сейчас пятый месяц.

— Значит, месяц.

— Меньше. Дорога займёт неделю. Если повезёт.

Егор вдруг поднялся и вышел наружу, даже не накинув капюшон. Анна посмотрела ему вслед, но Илья жестом остановил её.

— Не ходи. Ему нужно спросить у ветра.

— Ты в это веришь?

— Я верю в то, что он знает тундру лучше нас. А во что он верит — не моё дело.

Снаружи.

Мир за порогом бытовки был инопланетным. Непривычный глаз не нашёл бы здесь ничего знакомого: ни деревьев, ни горизонта в привычном смысле. Только бесконечная, уходящая во тьму снежная равнина, подсвеченная снизу мертвенным светом, отражённым от низких туч — газовый факел где-то за сопками всё ещё горел, пожирая остатки метана.

Егор стоял лицом к северу. Ветер трепал мех его малицы, высекал из глаз скупую слезу, которая тут же застывала на скулах ледяной крошкой. Он молчал. Он слушал.

Где-то глубоко под толщей снега и базальта, в кимберлитовых трубках, спало то, что предки называли Хозяином Нижнего мира. Егор не верил в вирусы. Вернее, верил, но считал их не причиной, а следствием. Вирус не приходит сам. Вирус — это гнев земли, которую осквернили буровыми вышками, шахтами, ядерными зарядами, заложенными в пласты для повышения дебита нефти. Люди проткнули кожу земли, и из раны вытекла чёрная кровь, а следом — Белые. Не мёртвые. Хуже. Заражённые, у которых холод отнял способность гнить, но оставил способность ждать.

Он обернулся к бытовке. В проёме стоял Илья — грузный, сутулый, с лёгкими, изъеденными шахтной пылью. За его спиной маячил силуэт Анны.

— Хэ-э-эй! — крикнул Егор в темноту. И тише, почти шёпотом, на родном языке добавил что-то, что унесло ветром.

Из пустоты никто не ответил. Только где-то очень далеко, на грани слышимости, завывала собака. Или не собака — псы давно одичали и ушли в тундру, смешавшись с волками.

— Согласен, — бросил он, проходя мимо Ильи. — Идём на плато. Но возьмём не через перевал. Через шахту.

Илья закашлялся — глубоко, надсадно, с бульканьем. Сплюнул в снег. Слюна была тёмной, как и всегда в последнее время.

— Шахта «Маяк»? — переспросил он. — Ты знаешь, что там случилось.

— Знаю. Поэтому и предлагаю. Мёртвые места — самые безопасные. Туда даже Белые не сунутся.

— Почему?

— Потому что там уже есть свои мёртвые. И они никого не пускают.

Егор откинул полог и скрылся в тепле. Илья остался снаружи. Он смотрел на северо-восток, где небо подпирали трубы мёртвого комбината — чёрные, обледенелые, похожие на окаменевшие хоботы доисторических животных.

Шахта «Маяк». Он работал там пятнадцать лет. Он знал каждый штрек, каждый вентиляционный короб. Он знал людей, которые остались там навсегда, когда началась эвакуация и кто-то принял решение взорвать ствол, чтобы заражённые не вышли на поверхность.

Взрывали свои.

Он накрыл ладонью каску. Трещина привычно обожгла холодом.

— Ну здравствуй, Маяк, — сказал он в пустоту. — Давно не виделись.

И тьма сомкнулась за его словами, как вода над утопленником.

Той же ночью. Сборы.

Анна перебирала инструменты. Скальпель, два зажима, иглодержатель, рассасывающаяся нить — всё, что осталось от операционной. Она разложила их на расстеленной простыне, словно готовилась к ритуалу. Дрожь в пальцах усилилась, когда она взялась за скальпель. Лезвие поймало отблеск лампы и послало зайчика на стену.

Там, на стене, висел чей-то портрет — вырезанная из журнала фотография балерины в прыжке. Странный артефакт прошлой жизни. Кто-то жил в этой бытовке, кто-то мечтал, кто-то ждал отпуск, чтобы улететь на материк, в тепло, в лето, в зелень. Теперь балерина смотрела, как женщина с трясущимися руками готовится вскрывать замороженные тела.

— Ты сможешь? — спросил Илья, кивая на её руки.

— Смогу. Когда надо — смогу. Это психосоматика. В момент операции включаются другие механизмы. Мышечная память.

— А если нет?

— Тогда ты умрёшь, а я останусь без сыворотки. Простая арифметика.

Он усмехнулся. Зубы у него были плохие — цинга уже давала о себе знать. Воспалённые дёсны кровоточили при каждом прикосновении.

— Ты страшная женщина, Анна.

— Я практичная. Это разные вещи.

За стеной Егор затянул вполголоса песню. Гортанные звуки наплывали волнами, то взлетая к высоким нотам, то опускаясь в басовитое бормотание. Слов Илья не понимал, да их, возможно, и не было — одна мелодия, древняя, как эти скалы, и тоскливая, как вой пурги.

— О чём он поёт? — спросила Анна.

— О реке, которая течёт под землёй. О рыбе, которая плывёт против течения, чтобы умереть. О человеке, который идёт туда, откуда не возвращаются. Обычный эвенкийский хит, — Илья помолчал. — Про нас поёт.

Сборы закончили к трём часам ночи. В рюкзаки легли: сухой паёк на десять дней, альпинистские верёвки, налобные фонари, аккумулятор от сломанного снегохода (Егор приспособил его для питания рации), три дымовые шашки, карабин с девятью патронами и геологический молоток.

Отдельно, в контейнере из пенопласта, Анна уложила пробирки для образцов. Стерильные. Последние.

— Выступаем через час, — сказал Илья. — Пока темно, но луна в первой четверти. Даёт достаточно света. Белые в лунном свете становятся сонными. Егор говорит — лунный свет размывает границу между мирами, и они путаются, не понимают, где находятся.

— Он действительно в это верит?

— Неважно. Это работает. Значит, это правда.

Анна погасила лампу.

Темнота обняла их, как старая знакомая — плотная, морозная, пахнувшая соляжкой и звериной шерстью.

Где-то далеко, на плато Путорана, среди замёрзших водопадов и базальтовых каньонов, ждала лаборатория «Кимберлит-4». Ждала уже тридцать лет. И вместе с ней ждал ответ — можно ли остановить конец света, поселив внутри человека другой конец, поменьше.

За час до выхода Илья взял каску с трещиной, повертел в руках, а затем надел на голову.

— Оберег? — спросила Анна.

— Память, — ответил он. — Самая тяжёлая вещь на свете.

Глава 2. Шахта «Маяк»

Илья первым вошёл во тьму.

Не в переносном смысле — в буквальном. Он откинул проржавевший лист железа, закрывавший вход в вентиляционный штрек шахты «Маяк», и шагнул внутрь горы. Луч налобного фонаря выхватил из мрака стены, покрытые изморозью, похожей на седую шерсть. Воздух пахнул в лицо сыростью, ржавчиной и чем-то сладковатым — так пахнет старое дерево, когда его ломаешь пополам.

Анна задержалась у входа. Там, снаружи, ещё существовало небо — низкое, мутное, подсвеченное газовым факелом, но всё-таки живое. Здесь, внутри, начиналась другая география. География вечной темноты.

— Долго нам идти под землёй? — спросила она.

— Семь километров основным квершлагом, потом поворот в забой триста двенадцать, — голос Ильи звучал глухо, будто гора уже начинала его поглощать. — Оттуда через вентиляцию на восточный склон. Если завалов нет — выйдем к вечеру.

— А если есть?

— Тогда останемся здесь. Навсегда.

Егор прошёл мимо них бесшумно, лишь мазнув лучом по своду. Свод был высокий, теряющийся где-то вверху, и от этого становилось не по себе — словно они попали в глотку каменного зверя.

— Здесь плохо, — сказал эвенк одними губами.

— Ты про что?

— Про всё. Воздух мёртвый. Камень помнит. Здесь много боли.

Илья не ответил. Он и сам чувствовал. Каждые десять метров давались ему с трудом: лёгкие горели, кашель рвал грудь изнутри, а перед глазами плыли тени. Тени людей, которых он знал. Бригадир Савельев, вечно хмурый, с вечной папиросой в углу рта. Молодой взрывник Костик, который на спор мог пройти по узкоколейке с завязанными глазами. Табельщица Люда, разносившая чай в термосах с нарисованными цветами.

Все они остались здесь.

Май две тысячи двадцать четвёртого. День, когда всё началось.

Илья помнил этот день по минутам. Утренняя планёрка. Замеры метана. Звонок из диспетчерской — на поверхности творится что-то непонятное, перекрывают дороги, в Нориль-

ске военные. Потом связь оборвалась. Потом в динамиках загремел голос начальника участка: «Всем оставаться на местах! Никому не подниматься! Это приказ!»

А потом был грохот. Земля дрогнула так, что со свода посыпалась порода. Кто-то — до сих пор не знал, кто именно, — принял решение взорвать ствол. Замуровать себя вместе со всеми, кто не успел эвакуироваться. Двести тридцать четыре человека. Шахтёры, электрики, маркшейдеры, две санитарки из подземного медпункта.

Илья успел. Он был у самого подъёмника, когда рванул заряд. Взрывная волна швырнула его в клеть, каска треснула, рёбра хрустнули, но клеть пошла вверх. Его выдернуло из смерти за волосы, как библейского пророка.

Каска осталась. Трещина осталась. И двести тридцать четыре голоса, которые теперь звучали в его кашле.

— Стойте, — Анна замерла на полушаге. — Вы слышите?

Все трое замерли. Где-то впереди, в абсолютной черноте квершлага, раздался звук. Мягкий, ритмичный, почти интимный.

Тук-тук. Тук-тук-тук.

— Телефон, — выдохнул Илья. — Это шахтный телефон.

— Откуда здесь телефон? — голос Анны дрогнул, и она ненавидела себя за эту дрожь. — Здесь никого нет. Здесь тридцать лет никого нет!

Тук-тук-тук-тук.

Звук повторился. Он шёл оттуда, где по плану должна находиться диспетчерская третьего горизонта.

Егор медленно стянул с плеча карабин. Девять патронов. Теперь их, возможно, станет восемь.

— Не ходи туда, — сказал он. — Это зовёт не человек.

— А кто? — спросила Анна.

— Тот, кто умеет ждать.

Илья уже шёл. Луч его фонаря прыгал по рельсам узкоколейки, по брошенным вагонеткам, по стенам, на которых кто-то когда-то написал мелом: «Простите нас». Надпись была старая, почти стёртая, но ещё читаемая.

— Илья! — Анна схватила его за рукав. — Егор дело говорит. Это может быть что угодно. Акустическая ловушка. Белые научились повторять звуки, ты сам рассказывал!

— Это не Белый, — он высвободил руку. — Это телефон. Самый обычный. Я его помню. Он висел у входа в диспетчерскую. По нему передавали распоряжения из нарядной.

— Илья, послушай меня! Мы не можем рисковать. У нас контейнеры для образцов. У нас задача...

— У меня здесь люди, Анна. — Он обернулся, и свет её фонаря упал на его лицо. Оно было страшным — лицо мертвеца, который ещё не лёг в могилу. — Они звонят. Понимаешь? Они звонят. А я не беру трубку. Уже тридцать лет не беру трубку.

Он двинулся дальше. Анна и Егор переглянулись. Взгляд эвенка был тёмным и пустым, как вода в глубоком омуте. Но он кивнул.

— Пусть идёт. Это его ствол. Его забой. Если не ответит сейчас — не сможет дышать дальше.

— Ты говоришь как шаман.

— Я говорю как человек, который видел, что бывает с теми, кто не хоронит своих мёртвых.

Диспетчерская.

Дверь была приоткрыта. Илья помнил её железной, крашенной в ядовито-зелёный цвет, с табличкой «Посторонним вход воспрещён». Сейчас краска облупилась, табличка висела на одном гвозде, а дверь застыла в вечном сквозняке — открытая ровно на ширину человеческого плеча.

Тук-тук-тук.

Телефон звонил. Чёрный аппарат без диска — только трубка на рычаге и тумблер переключения линий. Он висел на стене, и от него тянулся провод, уходящий в потолочную проводку. Илья знал: этот провод мёртв. Линию перерезало взрывом. Связи нет и быть не может. Но телефон звонил.

— Ты слышишь? — прошептал он. — Вы слышите?

— Слышим, — голос Анны был сухим, как прошлогодняя листва. — Не подходи к нему.

— Это конденсат, — сказал Илья. — Где-то в проводке скопилась влага, замыкает контакт. Вот он и трезвонит. Простая физика.

Он врал. Они все это понимали. Конденсат не стучит с интервалами, похожими на человеческое сердце.

Илья шагнул в диспетчерскую. Луч фонаря обвёл помещение: стол, заваленный бумагами (белыми, не пожелтевшими — мороз законсервировал даже бумагу), график дежурств на стене, кружка с мёртвым чаем, шапка-ушанка на гвозде. И телефон. Чёрный. Молчащий. Только что трезвонивший, а теперь — немой, как надгробный камень.

— Ну вот, — выдохнул Илья. — Заткнулся.

Он потянулся к трубке.

— НЕ ТРОГАЙ! — крикнула Анна, но поздно.

Пальцы сомкнулись на бакелитовой трубке. Холодной. Мертвецки холодной. Он поднёс её к уху.

Тишина. Абсолютная, звенящая, как натянутая струна. Илья уже хотел повесить трубку обратно, когда услышал это.

Дыхание.

Медленное, влажное, с присвистом. Так дышит человек с отёком лёгких. Так дышит умирающий.

А потом — голос. Далёкий, как эхо в горах. Знакомый до дрожи в позвоночнике.

— *Илюха... Ты чего не заходишь? Мы ждём.*

Трубка выпала из его рук и закачалась на витом шнуре, издавая тот самый звук.

Тук-тук. Тук-тук-тук.

— Илья! — Анна трясла его за плечи. — Что там? Что ты слышал?

Он открыл рот, но кашель скрутил лёгкие раньше, чем слова успели родиться. Он согнулся пополам, выхаркивая во тьму чёрную слизь. На бетонный пол диспетчерской упали тёмные капли.

— Голос, — прохрипел он, отдышавшись. — Это был голос Савельева. Бригадира. Он погиб здесь. Тридцать лет назад.

— Это галлюцинация, — отрезала Анна, хотя её собственное сердце билось где-то в горле. — Кислородное голодание плюс стресс. Плюс твой хронический бронхит. Мозг дорисовывает картинку. Это нормально.

— Нормально? — Илья выпрямился. Свет его фонаря упал на стену за спиной Анны. — Тогда посмотри туда. Это тоже нормально?

Она обернулась.

На стене, рядом с графиком дежурств, были слова. Написанные мелом. Свежие. Белые на сером бетоне, влажные, будто их начертили только что.

«ЗАХОДИТЕ. МЫ ЖДЁМ. ХОЛОДНО БЕЗ ВАС».

Анна отшатнулась. Егор вскинул карабин.

— Уходим, — сказал он. — Немедленно.

— Но здесь никого нет! — Анна обвела помещение фонарём. — Только мы! Никого!

— Здесь есть они, — эвенк кивнул на стены, на свод, на пол, на сам воздух. — Они везде. Вся гора — это братская могила, которую вы запечатали взрывом. И они не простили. Они хотят, чтобы вы остались. С ними. Навсегда.

В этот момент телефон зазвонил снова. Но теперь это был не стук. Это был голос. Человеческий голос, льющийся из трубки, висящей на шнуре. Десятки голосов. Сотни. Они шептались, плакали, звали по именам.

И среди этого хора Илья различил ещё один звук — далёкий, но приближающийся. Шарканье. Множество ног, волочащихся по каменной крошке.

Они шли.

Белые.

Или те, кем стали шахтёры, замурованные в забое.

— Бежим, — сказал Илья. — Бежим, сейчас же.

Но Егор уже толкнул дверь, и все трое вывалились в коридор, в черноту, в лабиринт, который Илья когда-то знал как свои пять пальцев, а теперь не узнавал.

Гора ожила. Она дышала. Она говорила их голосами. И она не собиралась отпустить.

Анна бежала последней, прижимая к груди контейнер с пробирками — пустыми, ждущими образцов, ради которых они спустились в этот каменный ад. Она не смотрела под ноги, не видела ничего, кроме прыгающего луча фонаря и спины Ильи впереди. Но краем глаза, самым краешком периферийного зрения, она заметила то, что потом будет сниться ей до конца жизни.

Из бокового штрека, из абсолютной темноты, на неё смотрело лицо.

Белое. Обтянутое инеем. С глазами — мутными ледяными шарами. С веточкой карликовой берёзы, проросшей сквозь плечо.

Оно улыбалось.

Они бежали долго.

Сколько именно — никто не смог бы сказать. Время под землёй течёт иначе. Оно измеряется не минутами, а ударами сердца, вспышками фонарей и эхом собственных шагов. Квершлаг сменился вентиляционной сбойкой, сбойка — узким лазом, лаз — каким-то техническим помещением, заваленным ящиками.

Илья остановился первым. Лёгкие горели. Перед глазами плыли красные круги. Он сел на корточки, прислонившись спиной к холодной стене, и зашёлся кашлем — долгим, мучительным, выворачивающим внутренности.

— Дальше не могу, — прохрипел он. — Дайте... пять минут...

Анна опустилась рядом. Её трясло — то ли от холода, то ли от пережитого ужаса. Пальцы дрожали так, что она едва расстегнула клапан рюкзака. Достала флягу. Протянула Илье.

— Пей. Это вода. Просто вода.

Он сделал глоток. Вода была ледяной и отдавала металлом.

— Это не галлюцинация, — сказал он тихо. — Ты понимаешь? Это не галлюцинация. Они там. Они всё ещё там.

— Я знаю, — ответила Анна. — Я видела.

Егор стоял чуть поодаль, прислушиваясь к тишине. Тишина была полной. Даже капель перестала звучать. Даже собственное дыхание казалось чужим.

— Они отстали, — сказал он наконец. — Дальше не пошли. Дальше начинается не их территория.

— А чья? — спросила Анна.

Егор помедлил.

— Хозяина льда.

В свете фонарей его лицо казалось вырезанным из старого дерева — грубо, резко, без полутонов. Он смотрел в глубину штрека, туда, где по всем картам должен быть выход на восточный склон.

— Это не метафора, — добавил он. — Не думайте. Это то, что жило здесь до шахты. До людей. До вируса. Оно спало в кимберлитовых трубках, но люди разбудили его взрывами. А вирус дал ему новые инструменты. Тела. Голоса. Память.

— Ты хочешь сказать, что вирусом управляет некая сущность? — Анна смотрела на него как на сумасшедшего, но где-то в глубине души уже не была уверена в его безумии.

— Я хочу сказать, что есть вещи, которым не нужны названия. Им нужно только одно — чтобы их не трогали. А мы идём в самое сердце. В «Кимберлит-4».

Илья поднялся. Ноги дрожали, но держали. Он надел каску, ту же затянул ремешок.

— До выхода три километра, — сказал он. — Идём. Здесь нельзя ночевать.

— Почему?

— Потому что ночью они становятся сильнее. Даже под землёй. Они чувствуют тёмное время суток. Не спрашивай, откуда я знаю. Просто знаю.

Они двинулись дальше.

Восточный склон.

Выход нашли уже в сумерках. Точнее, это снаружи были сумерки — здесь, под землёй, время определялось только по стрелкам часов, которые Анна машинально носила на руке, хотя механизм встал ещё месяц назад.

Лаз вывел их в расщелину между базальтовыми столбами. Это место походило на орган-ный зал, созданный безумным архитектором: шестигранные колонны уходили вверх на десятки метров, образуя подобие готического свода. Снег, набившийся в расщелину, светился голубоватым светом — луна наконец пробилась сквозь облака.

Плато Путорана встречало их тишиной.

Но это была не та тишина, что царила в шахте. Та тишина давила, душила, звенела в ушах. Эта — смотрела. Оценивала. Ждала.

Они выбрались на ровную площадку и замерли, потрясённые открывшимся видом.

Плато расстилалось перед ними до самого горизонта — бесконечная белая пустыня, пересечённая чёрными трещинами каньонов. Кое-где из-под снега торчали скальные останцы, похожие на окаменевших великанов. Замёрзшие водопады свисали с уступов ледяными занавесами. Ветер гулял по равнине, вздымая облака снежной пыли, и в этих облаках чудились силуэты — то ли звери, то ли люди, то ли нечто среднее.

— Господи, — выдохнула Анна. — Как красиво.

— Красиво? — переспросил Егор с горькой усмешкой. — Ты видишь красоту? А я вижу кладбище. Это всё — кладбище. Каждая сопка, каждая река. Здесь веками хоронили шаманов. Их духи не ушли. Они остались. А теперь к ним присоединились новые.

Илья молчал. Он смотрел на северо-восток, где по его расчётам находилась лаборатория «Кимберлит-4». Где-то там, под слоем базальта и вечной мерзлоты, спал штамм, способный остановить апокалипсис. Или ускорить его.

Каска грела голову. Трещина на ней теперь казалась не просто памятью — она казалась пророчеством. Тем, что ещё не сбылось.

— Ночуем здесь, — сказал он. — В расщелине. Разводить костёр нельзя — слишком открытое место. Укроемся в спальниках. Выставим дежурство. Два часа я, два часа Егор, два часа ты, Анна.

— Почему я последняя? Потому что женщина?

— Потому что самая ценная. Если нас убьют, ты последняя, кто сможет дойти до лаборатории. Ты знаешь, что делать с образцами. Мы — просто транспорт.

Анна хотела возразить, но промолчала. Он был прав. В этой математике выживания она была константой, а мужчины — переменными. Жестоко. Честно.

Она достала контейнер с пробирками и проверила уплотнитель. Всё было цело. Всё ждало своего часа.

Ночь. Первая вахта.

Илья сидел у входа в расщелину, завернувшись в спальник поверх пуховика. Мороз крепчал — градусов сорок, не меньше. Воздух обжигал ноздри при каждом вдохе, ресницы слипались от инея. Но он сидел и смотрел на плато.

Луна висела низко, огромная, жёлтая, как глаз хищника. Её свет заливал снежную равнину, и в этом свете всё казалось нереальным, декоративным, будто нарисованным на заднике театральной сцены.

Он думал о Савельеве. О его голосе в телефонной трубке. О словах, написанных мелом. «Заходите. Мы ждём».

Они действительно ждали. Тридцать лет. В темноте. В холоде. В одиночестве братской могилы.

Он мог быть там, с ними. Если бы не та клеть, если бы не случайность, если бы не трещина на каске — он был бы одним из тех, кто звонит в мёртвый телефон и пишет мелом на стенах.

Почему он выжил? Зачем?

Раньше ему казалось — просто повезло. Теперь он начинал думать иначе. Может быть, его вытащили специально. Может быть, кто-то или что-то решило, что Илья ещё понадобится.

Для чего?

Ответ лежал под землёй, в лаборатории «Кимберлит-4».

Сзади послышались шаги. Егор выбрался из спальника и сел рядом. Долго молчал, глядя на луну.

— У тебя лёгкие чёрные, — сказал он наконец.

— Знаю.

— До конца дороги не дойдёшь. Ляжешь где-нибудь на середине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.